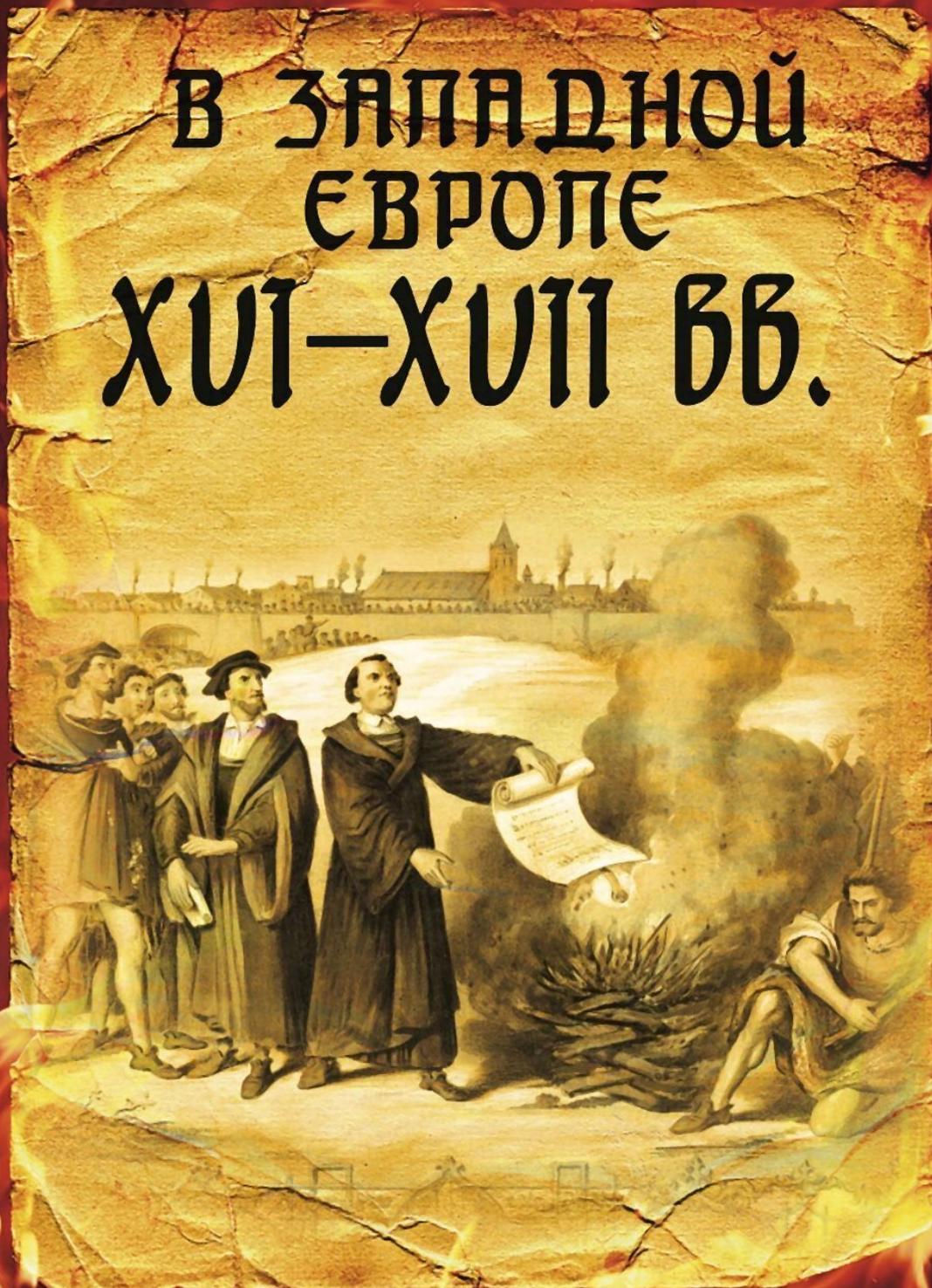

Оуэн Чедвик

Реформация

ПРОТИВОСТОЯНИЕ
КАТОЛИКОВ И ПРОТЕСТАНТОВ

В ЗАПАДНОЙ
ЕВРОПЕ
XVI—XVII ВВ.

Оуэн Чедвик

**Реформация. Противостояние
католиков и протестантов в
Западной Европе XVI-XVII вв.**

«Центрполиграф»

2011

УДК 94.4
ББК 63.5

Чедвик О.

Реформация. Противостояние католиков и протестантов в Западной Европе XVI-XVII вв. / О. Чедвик — «Центрполиграф», 2011

ISBN 978-5-9524-4973-2

В настоящей книге профессор истории, священник англиканской церкви Оуэн Чедвик воссоздает целостную картину европейской Реформации. Основываясь на трудах Эразма Роттердамского, Мартина Лютера, Ульриха Цвинги и Жана Кальвина, он рассматривает особенности Реформации в разных странах. Особое внимание уделяет Реформации в Англии. Отдельно показывает деятельность ордена иезуитов в Контрреформацию. В формате PDF A4 сохранен издательский макет книги.

УДК 94.4
ББК 63.5

ISBN 978-5-9524-4973-2

© Чедвик О., 2011
© Центрполиграф, 2011

Содержание

Часть первая	6
Глава 1	6
Глава 2	23
Конец ознакомительного фрагмента.	32

Оуэн Чедвик
Реформация
*Противостояние католиков и протестантов
в Западной Европе XVI–XVII вв.*

Охраняется Законом РФ об авторском праве. Воспроизведение всей книги или любой ее части воспрещается без письменного разрешения издателя. Любые попытки нарушения закона будут преследоваться в судебном порядке.

Оформление художника И. А. Озерова

Научный консультант Андрей Зимин, капитан сборной России по историческому фехтованию

© Перевод, ЗАО «Издательство Центрполиграф», 2011

© Художественное оформление, ЗАО «Издательство Центрполиграф», 2011

* * *

Часть первая

Протест

Глава 1

Призыв к Реформации

ИДЕЯ РЕФОРМАЦИИ

В начале XVI века все просвещенные люди в церкви на Западе призывали к Реформации. Более столетия образованные люди разных стран Европы были заняты поиском путей преобразования католической церкви. Однако, несмотря на то что все понимали необходимость реформ, никакого решения данной проблемы не смогли предложить, поскольку так и не сложилось единого мнения о путях таких реформ.

Тем не менее предпосылки реформ определились достаточно четко. Своими указами папа вторгался в деятельность различных государств и местных церквей, так что многие правители заговорили о необходимости ограничить его власть. Нуждаясь в помощи и авторитете церкви для упрочения своей власти, они стремились сосредоточить всю власть в своих руках. Считая папу верховным авторитетом, правители стремились уйти от неукоснительного соблюдения его жестких финансовых требований.

Все – от приходских священников до епископов – осуждали практику купли-продажи церковных должностей, считая симонию¹ грехом. Однако они же настаивали на уплате взноса при поступлении на службу, воспринимая его как разновидность налога или плату за услуги адвокатов. Многие священники не жили и не работали в своих приходах, хотя, возможно, и были понятные причины, позволявшие им работать в разных местах, получая жалованье от прихода.

На первый взгляд постоянное пребывание епископа Вустера в Италии при папском дворе казалось вызывающим. Однако король Англии нуждался в постоянном представителе при Ватикане и считал разумным, чтобы английское епископское ведомство выплачивало ему жалованье. Следовательно, то, что один честный человек считал злоупотреблением, другой честный человек признавал правильным.

Итак, все хотели реформ или открыто заявляли об этом. Однако как реформировать и что изменять, не было ясно. Усилия некоторых реформаторов ушли на создание новых религиозных уставов для небольших групп своих сторонников. Епископы пытались строже относиться к посвящению в духовный сан, не допуская невежественных людей. Они также пытались вынудить монахов и каноников жить в соответствии с предписаниями. Однако на административном уровне реформа хромала. Происходило как в случае с хромым человеком, не знающим, как поставить ногу и начать двигаться.

С 1512 по 1517 год в Латеранском соборе Рима собирался 5-й Вселенский (всемирный) собор церкви (хотя всемирный его характер был относительным, ибо кроме итальянцев присутствовало только несколько человек из других стран). На многочасовых заседаниях его члены слушали длинные и пышные речи, принимали разнообразные решения.

¹ Симония – продажа или покупка церковных должностей или духовного сана в Средние века. (Примеч. пер.)

Среди прочего, они согласились, что любые ереси и попытки раскола следует решительно пресекать, что епископы должны обладать большей властью над монахами, а с проповедями может выступать только тот, кому предоставлено такое право. Было признано, что главным врагом веры и всего христианского мира являются турки. Постановили, что после смерти кардиналов их дома должны оставаться у церкви, а профессорам в своих лекциях надлежит доказывать истинность бессмертия души. Особое решение касалось недопущения печатания запрещенных книг.

Большинство даже склонных к реформам увидело в постановлениях собора очередное нравоучение. Лишь немногие увидели в постановлениях собора отголоски туманной и смутной фразы «реформа в головах и в мыслях».

Действительно, будоражащая Европу мысль о необходимости реформирования католической церкви воспринималась совершенно по-разному. Итальянским епископам казалось, что громоздкая бюрократическая машина Ватикана стала неустойчивой, власть кардиналов слишком возросла, и ее следовало ограничить. Для проповедующих монахов приближающаяся Реформация означала, что деятельность их религиозных братств перестала соответствовать идеалам христианской безгрешности.

Светские адвокаты, вероятно, полагали, что церковные суды становились непреодолимым препятствием для эффективного правосудия. Церковникам казалось, что громоздкий и неповоротливый механизм церковной бюрократии мешает эффективному сбору церковных налогов. Длительное противостояние между папством и политической властью, а также явные ошибки отнюдь не способствовали вере в грядущее Царство Божие и какую-либо выгоду от уплачиваемых церкви налогов.

Спорили и о том, что если верна заповедь из Священного Писания по поводу брака, то почему. Если считалось, что Священное Писание допускает расторжение брака, то почему же за это надо было платить? Почему для богатых и бедных действуют разные законы? Разве справедливо, что человек с деньгами получал разрешение жениться в последний месяц перед Великим постом, а неимущий человек не мог себе этого позволить?

Почему местные представители церкви, ведавшие сбором и распределением пожертвований, назначались только римской администрацией и смещались при первой же попытке использовать свою власть в интересах материально зависимых? Разве было справедливо, чтобы священнослужитель, совершивший уголовное преступление, уходил от ответственности и не предстал перед судом светских магистратов?

Почему духовенство не вносило свою часть, когда правительство настоятельно требовало денег для защиты от вторжения турок? Следует ли порицать церковь за то, что налоги собирались под угрозой отлучения и заблудшие души впадали в отчаяние по банальным поводам?

Почему викарий прихода голодал, в то время как не проживающий в нем епископ комфортно существовал за счет пожертвований? Разве не слишком много принявших обет слышат скандалистами, пьяницами, развратниками, недостойными своих священных должностей? Разве не подобна (допустим и такую резкую критику) современная церковь вавилонской блуднице, продающей свою красоту любому, кто заплатит?

Когда священнослужители говорили о Реформации, то почти всегда имели в виду административные, законодательные или моральные перемены, вряд ли задумываясь об изменениях вероучения. Считая римского папу непогрешимым, они соглашались, что законодательная и бюрократическая системы неэффективны и погрязли в подкупе и безнравственности.

Если они были образованными людьми, гуманистами эпохи Ренессанса, их желания иногда сливались с призывом к интеллектуальному улучшению. Они не только хотели, чтобы папы и епископы были менее светскими, монахи следовали библейским предписаниям, но и приходское духовенство становилось более просвещенным.

Иногда они говорили о том, что вероучение должно соответствовать Евангелию и словам Господа и быть понятным и близким простым людям. Однако они так и не решились ни заговорить, ни тем более предпринять каких-либо перемен в вероучении.

Ощущение, что Реформация необходима, хотя и смутное и часто неопределенное, усиливалось и повседневной жизнью. Напивавшемуся в таверне священнику разрешали продолжать его служение, и лишь в немногих случаях беспробудное пьянство наказывалось вышестоящими властями. Разрешение имущественных споров с монастырями было невозможно без солидной взятки.

Священник, уличенный в убийстве, отделялся легким наказанием – заключением на хлебе и воде. Приходский священник открыто содержал любовницу, не боясь наказания и даже осуждения. Бывало, что неграмотный, не знающий латыни человек посвящался в священники, хотя все слышали, как он бессмысленно бормочет свои молитвы перед алтарем. Прихожане ничего не знали об образованных и преданных людях, которых могли бы привлечь епископы.

Обилие скандалов, несправедливостей и развращенности усиливало призывы к реформам как со стороны духовенства, так и со стороны политиков.

Постепенно многие начали задаваться вопросом: истинно ли учение католической церкви? Ведь оно, это учение, оставалось неизменным на протяжении многих веков и теперь таким же нетронутым предназначалось для будущего.

В Чехии это были последователи Яна Гуса, гуситы, чье восстание было подавлено властью. В английской глубинке и далеких альпийских долинах существовало несколько групп лоллардов и вальденсов. Странствующих по Германии проповедников, призывавших изучать и обсуждать Библию, обвинили в призыве к мятежу и богохульству. Любые призывы к реформам вызывали жесткое подавление, а вовсе не поиск компромисса с недовольными.

Во многом пропасть усугубляли необычайно высокие выплаты священнослужителям, которые были полезны сюзерену своего государства или его слугам. Линакр, лекарь английского короля Генриха VIII, еще до принятия сана являлся ректором четырех приходов, каноником трех соборов и регентом хора в Йорке. Он получал плату за свои медицинские услуги из всех этих разнообразных приходов и земель.

Скорее следовало говорить о коррупции со стороны государства, чем церкви. Король часто был намного богаче папы римского и мог щедро наградить своих слуг, если ему хорошо служили. Поскольку церковь обладала огромными богатствами в каждой стране, он мог наградить большое количество людей, только если они возводились в духовный сан. Великий французский дипломат Антуан дю Прат, возведенный в сан архиепископа Санса, впервые оказался в своем соборе во время собственной погребальной процессии.

Епископы становились более известными как придворные, чем как пастыри. Когда король Франции Людовик XII прибыл в 1509 году в Италию, его сопровождали три французских кардинала, два архиепископа, пять епископов и аббат Фекамп. Присутствие подобной плеяды объяснялось не чем иным, как необычным беспокойством о духовном состоянии короля.

В первое двадцатипятилетие XVI века в провинции Лангедок на юге Франции имелось двадцать два епископа, но только пять или шесть из них постоянно проживали в своих приходах. Взятка церкви не считалась таковой, если ее давал король, однако ошибки усугублялись, если один священник совершал их ради другого.

Духовенство считалось хранителем общественного спокойствия, ибо было обязано порицать алчность и поощрять бедность, не заниматься ростовщичеством и симонией, не прелюбодействовать, всегда быть образцами справедливости и милосердия, чтобы смиренно ходатайствовать перед Господом. Именно для этого и освящались их алтари.

Если все были едины в стремлении к реформе, то духовенство было обязано не только заявлять о ее необходимости, но и демонстрировать ее своим примером, упрочивая тем самым власть церкви. Они обращали свои взоры к папе римскому, волею Господа поставленному над

царями и князьями, ожидая, что своим словом он по-прежнему способен принести мир, справедливость и единство мятущимся людям.

Но ни один папа, даже Гильдебранд (Григорий VII, р. между 1015 и 1020, папа римский с 1073, ум. 1085. Фактически правил при папе Николае II в 1059–1061. Деятель Ключонийской реформы. Запретил симонию, ввел celibат. Добивался верховенства пап над светскими государствами. – *Ред.*) или Иннокентий III (р. 1160 или 1161, ум. 1216, папа римский с 1198. – *Ред.*) не смогли удовлетворить их стихийному ожиданию. В течение двух столетий власть папы отступала перед властью королей. Хотя христианские идеи по-прежнему вдохновляли верующих, на деле от этой армии остались лишь мелкие отряды, сравнимые с небольшими формированиями крестоносцев, некогда собравшихся, чтобы отвоевать Палестину у неверных.

Сознание христианского мира было потрясено, когда после 1525 года французский король, считавшийся самым ревностным христианином, был замечен в союзнических отношениях с турками, а папа Александр VI едва ли не первым среди христианских правителей возглавил подобные переговоры. Но это было еще не все.

Ведь власть папы простиралась повсеместно. Каждый правитель Западной Европы был обязан считаться с ней. Законность власти в католическом мире также зависела от папского двора. Авторитет папы как наместника Христа и главы христианского сообщества гарантировал уважение людей.

Продолжая верить в незыблемость христианского мира и папы как его главы, люди тем не менее связывали надежду на стабильность и безопасность с правителем своего государства. В течение двухсот лет короли и правители продолжали ограничивать власть папы на своих территориях, признавая ее лишь в той степени, в какой это отвечало их интересам, добиваясь права назначать епископов. Тем самым они невольно подрывали авторитет папы римского.

Ожидать, что папа преобразует церковь, означало то же самое, что ждать чуда, когда практически никаких предпосылок к тому не было. Конечно, своим примером или наставлением папа римский мог бы дать толчок реформам. Однако время, когда он мог отдать распоряжение, если действительно того хотел, прошло.

В результате с 1500 по 1517 год авторитет папы стал ограничиваться лишь рамками верования. Во времена Александра VI Борджа (папа в 1492–1503), Юлия II (папа в 1503–1513) и Льва X (папа в 1513–1521) оказалось, что трон святого Петра, как и другие епископства, стал хорошо оплачиваемым, но неудобным местом для управления мирскими делами. Только слепой не видел противоречия между обязанностями и их практическим осуществлением. Язывительный памфлетист (возможно, Эразм Роттердамский) приводит диалог папы Юлия со стражем небесных врат:

«Юлий. Быстрее открывай врата. Если бы ты аккуратно выполнял свои обязанности, то встретил бы меня со всеми подобающими этому месту почестями.

Святой Петр. Похоже, что тебе нравится отдавать приказы. Скажи мне, кто ты.

Юлий. Ты меня, конечно, узнаешь.

Святой Петр. Разве я должен? Мне никогда раньше не доводилось тебя видеть, и сейчас я нахожу зрелище совершенно необычайным.

Юлий. Ты, должно быть, слепой. Очевидно, ты не узнаешь этот серебряный ключ. <...> Посмотри на мою тиару и драгоценное одеяние.

Святой Петр. Я вижу серебряный ключ. Но он вовсе не похож на те ключи, что Христос, истинный пастырь церкви, дал мне».

Европа изумилась, увидев папу Юлия II во главе папской армии в Северной Италии, когда наместник Господа с саблей на боку и шлемом на голове взобрался в пролом в стене крепости города Мирандола, захваченной его военачальником². Чтобы спасти папское государство от

² Архиепископ Йорка одно время командовал одной из армий папы в период этой кампании в Северной Италии.

анархии, он заложил собор Святого Петра (18 апреля 1506 года), привлек Рафаэля для росписи лоджий, а Микеланджело – выполнить потолок Сикстинской капеллы, хотя это никак не прибавило этому папе морального авторитета.

Авторитет Юлия II как великого деятеля эпохи Возрождения ограничивался Италией, но не имел международного и нравственного значения. Заседавшая в 1510 году в Туре комиссия французских богословов озабоченно обсуждала вопрос: «Насколько значимо отлучение папой королей, сопротивлявшихся вторжениям папской армии?»

В течение столетий в застольных и непристойных песнях, а также анекдотах, имевших явную антиклерикальную направленность, люди богохульствовали в узком кругу друзей. Теперь подобные разговоры все чаще велись в тавернах, став общественным достоянием. Здесь выступали и обсуждали свои проблемы уважаемые и образованные люди.

Пуритане Средних веков видели корень всех зол в деньгах. Возможно, именно в данной области сложилось самое болезненное противоречие между религиозным идеалом и церковной обрядностью. Следуя за Франциском Ассизским, Фомой Кемпийским или бесчисленными подвижниками средневековой церкви, миллионы людей продолжали верить, что бедность является высшим проявлением христианской добродетели. Но и они больше не благоговели перед бедняками.

Святой нищий уже не являлся объектом всеобщего восхищения, отчасти потому, что на практике выявлялось слишком много подлогов, а отчасти и оттого, что моральный идеал теперь начал меняться в связи с социальными и экономическими переменами. И все же набожные люди сохраняли веру в античный идеал бедности и отчужденности.

«Суета – искать богатства гибнущего и на него возлагать упование. И суета также гоняться за почестями, горделиво надуваясь. Суета прилепляться к желаниям плоти и того желать, от чего после придется понести тяжкое наказание. Суета желать долгой жизни, а о доброй жизни мало иметь попечения. Суета заботиться о настоящем, не думая о грядущем. Суета любить преходящее, не стремясь к вечной радости», – поучал Фома Кемпийский («О подражании Христу»).

Моральный идеал связывался с загробным миром, оставаясь монашеским или полумонашеским. Однако образованные люди, средний класс, гуманисты, щедро черпавшие знания из источников новооткрытой литературы Греции и Рима, наполнялись восхищением перед этим миром. Пребывая в окружении растущего богатства, они ощущали несовместимость и расхождение между идеалом и повседневной жизнью. Старые ценности, унаследованные из прошлого, вступали в противоречие с материальными и интеллектуальными стремлениями настоящего.

Деньги оставались причиной зла, и все же мирянам казалось, что церковные приходы и прежде всего сам Рим чаще стремились к накоплению золота, чем к христианской добродетели.

Все в церкви, говорили неутомимые хулители, продается за деньги – прощения, мессы, свечи, обряды, чудеса, приходы и само папство. «Если бы верховные первосвященники, наместники Христа, попробовали подражать ему в своей жизни, – жили бы в бедности, в трудах, несли людям его учение, готовы были принять смерть на кресте, презирали бы все мирское... разве они походили бы на тех пап, кто сегодня покупает свой престол за деньги и защищает его мечом и ядом?» – восклицал Эразм Роттердамский («Похвала глупости»).

Эразм побывал в Риме в 1509 году, Лютер в 1511-м, и никому из них он не понравился. Гораздо позже Лютер скажет: «Я бы не отказался увидеть Рим даже за сотни тысяч флоринов, иначе, боюсь, буду несправедлив по отношению к папе».

Слово «Реформация» (которое, в отличие от слова «Ренессанс», широко использовалось современниками и продолжало употребляться в течение более двух веков) показывает, что жажда перемен по образу и стандарту прошлого была типично средневековой. Все авторы позднего Средневековья смотрели на древнюю церковь сквозь розовые очки.

В жизнеописаниях святых они видели героизм и апостольское рвение. Видя обыкновенность или дурные качества окружавших их людей, они испытывали тоску и обращались к прошлому, где, как им казалось, когда-то был золотой век, несущий преданность, рвение, религиозность, чистоту сердец. Теперь же этот древний золотой мир явно стал серебряным, золото уступило место дереву, на смену дереву пришло железо. «Есть множество различий между нами и первыми христианами, и они такие же, как между навозом и золотом», – писал Мартин Лютер.

Интересно, что это был не первый призыв к Реформации. За три века до этого святой Бернард (Бернар) из Клерво (1090–1153) писал, что хотел бы видеть церковь такой, какая она была в древние времена, когда апостолы расставляли свои сети в поисках душ, а не золота и серебра. Это был один из типичных призывов средневекового проповедника.

Многие реформаторы думали, что император Константин навлек все беды на церковь, передав церковную и светскую власть папе Сильвестру. Как только папа начал богатеть, золотой век христианского мира закончился.

Новые гуманисты XV века уже не так безоговорочно верили Константину. Один из них, папский секретарь Вала, доказал, что история о даре императора была поздней выдумкой. Хотя слабые ростки критической истории легко позволяли воспринимать настоящее в черном свете и обелять прошлое, такие образованные гуманисты, как Эразм, продолжали верить, хотя и не так рьяно, в утраченный век святости и чистоты. Реформация всегда смотрела назад.

За сотни веков перед этим попытки соперничества и конкуренции пап вынуждали церковников говорить о реформе церкви в умах и среди ее членов. Соборы в Констанце (1414–1418) и Базеле (1431–1439) приняли множество резолюций и успешно разрешили конфликт в папстве. Однако национальные и материальные интересы разрушили надежды на изменение церковного управления. Так и не осуществив задуманного, соборы посеяли семена дракона, которые к 1500 году проросли в вооруженных воинов³.

Соборы легитимизировали идею Реформации, ибо на них ее свободно обсуждали, признавая необходимость перемен, отмечали ошибки, предлагали средства их достижения, нередко далекие от реального воплощения, чем только усиливали недовольство. Ведь они далеко не всегда оценивали практические последствия от реализации своих предложений. Не достигнув никаких практических результатов, они оставили общественное мнение в состоянии нестабильности, критиканства, беспокойства, смятения. В 1496 году некий француз писал, что в беседах людей ни она другая тема не обсуждалась так часто, как реформирование церкви. Известно, что широкое распространение реформистских идей без их реализации приводит к революции.

Многие епископы, пытавшиеся ввести перемены в своих епархиях, не только сталкивались с жестким сопротивлением у себя, но и вызывали крайнее неприятие своих действий в ближайших безнадзорных епархиях. Каждый настоятель, который пытался привести свой монастырь к более строгой и упорядоченной жизни, невольно оскорблял других. Ведь требование реформы означало признание имеющихся нарушений и злоупотреблений. Обнародование злоупотреблений, выраженное в критике церковных властей, подвергая их тем самым общественному порицанию, означало удар по авторитету монахов, членов нищенствующих орденов, приходских священников, епископов и, наконец, самого папы римского. А католическая иерархия и так страдала от нападков с разных сторон.

И все же это был мнимый антиклерикализм, ибо только в XIX веке это слово приобрело заметную степень язвительности. Однако еще в 1502 году Эразм заметил, что наименование

³ Намек на миф о походе аргонатов за золотым руном. Выполняя задание колхидского царя Ээта, Ясон бросил во вспаханное им поле зубы дракона, и те, прорастая как семена, превратились в воинов, с которыми Ясон должен был сражаться. Бросив в гущу воинов волшебный камень, который дала ему дочь царя Медея, Ясон перессорил их, заставив перебить друг друга. (Примеч. пер.)

церковником, священником или монахом в устах мирянина звучало как оскорбление. В 1515 году епископ Лондона, канцлер которого обвинялся в убийстве портного, писал кардиналу Вулси, что любой суд из 12 присяжных осудил бы любого священника, даже если бы он был невинен, как Авель. Несколько лет спустя некий Скидмор из Айсворта записал в своем дневнике, что «сегодня самыми презренными являются валлийцы и священники».

Однако раздуваемый повсюду призыв к Реформации, не предполагавший критику основ или новый судебный порядок, породил волну ученых споров, переросшую внутри университетов во всеобщее возмущение. Но почему же старый призыв к реформам за сто лет не угас, а с такой силой проявился именно в конце XV века? Последним толчком в длинной череде событий стали действия папы Александра VI Борджа. Именно при нем любые попытки реформ были жестко подавлены.

Одним из проявлений этого процесса стала трагедия доминиканского монаха Джироламо Савонаролы. Когда французский король Карл VIII с войском проходил через Флоренцию в 1494 году, Савонарола страстно умолял его созвать экуменический собор в Риме и сместить папу Александра VI. Однако для завоевания Франции было более полезно, чтобы папа римский оставался на троне.

Как страстный и яростный пророк, Савонарола убедил Флоренцию признать главенство Христа, клеймил роскошь и симонию, призывал к отстранению, а затем и к отлучению папы римского. Рассылал страстные призывы к европейским правителям о созыве собора для реформирования церкви. Однако его типично средневековые призывы к реформе могли дать лишь мгновенный триумф над толпой. Когда флорентийская чернь не вняла призывам Савонаролы, он был арестован, подвергнут пыткам и затем сожжен на площади Синьории 23 мая 1498 года.

Большинство современников не придали никакого значения трагедии Савонаролы. Его поражение расценивалось как печальный пример того зла, какое встречалось среди монахов. Менее чем через двадцать лет выступил Эразм, чей призыв к реформе прозвучал вдвое менее страстно, но оказался намного более эффективным.

Что же сделало призыв к Реформации в начале XVI века более действенным и революционным, чем за сто лет до этого? Может быть, то, что разгул злоупотреблений и коррупции настолько разрушил церковный организм, что он начал разваливаться от первого же сильного толчка?

Хотя показания трудно оценить, все же их можно увидеть. Реформация наступила не потому, что Европа оказалась нерелигиозной, а именно потому, что, в отличие от прежних времен, стала излишне религиозной. Средневековая церковь породила неистовый идеализм и собиралась продолжать это делать. Осуждаемые заблуждения признавались таковыми и всегда осуждались общественностью.

Как и раньше, множество приходских священников в 1500 году оставались невежественными. Реформаторы заблуждались, видя в прошлом золотой век. Церковь начала господствовать в Западной Европе в варварские времена, и шрамы подобной грубости все еще были видны. Большинство заблуждений вовсе не были так плохи. Новым оказалось представление о недостатках в церковной обрядности и предложения по их исправлению.

Действительно, в XV веке имелись отклонения как в обрядовой практике, так и в некоторых областях церковной жизни. Новый мир, построенный на доверии, представлял карьеристам гораздо более широкие возможности, нежели их предшественникам. Появились новые вопиющие случаи непроживания в местах служения, заполнения церковных должностей, содержания наложниц, получения должности священников за деньги, а не путем посвящения.

«Мы, итальянцы, – писал Макиавелли, – не столь религиозны и более коррумпированы, чем остальные... потому что церковь и ее представители подают нам худшие примеры». Воз-

можно, в этом самообвинении и есть доля истины. Даже в Италии Позднего Возрождения мы встречаемся с достаточным количеством случаев реформаторского идеализма.

Несомненно, сыграл роль и размах совершения обрядов. Как рассказывают, король Генрих VIII посещал мессы трижды в день, когда охотился, и пять раз в другие дни. Благочестивая Маргарита Бофор ежедневно слушала шесть месс. Средневековое благочестие породило новые формы религиозного рвения, а более поздний XV век узнал о нескольких новых формах набожности.

Савонарола убеждал флорентийцев принести свои сокровища и сжечь их. В 1507 году папа Юлий II санкционировал культ Святого дома в Лорето (к юго-востоку от Анконы), который, как верили, был яслями Господа, чудесным образом перенесенными ангелами из Назарета. Доминиканец Ален де ла Роше (ум. 1475) популяризировал использование старинного розария⁴.

Самым распространенным памятником в храмах стала Пьета – скульптурное изображение Оплакивания Иисуса Христа, где скорбящая Богородица изображена вместе со своим умершим сыном. На внутренних стенах храмов и около них появляются кальварии⁵. В конце XIV века вводится «Ангелус» – молитва Пресвятой Богородице, читаемая в сопровождении ударов колокола. Перед Реформацией начало зарождаться и то явление, которое позже получило наименование Контрреформация.

Усиление культа Пресвятой Богородицы, естественно, привело к росту культа святых и их реликвий, а также паломничества к их могилам. Плохо регулируемое рвение могло приобретать характер суеверия и даже одержимости. В 1500 году подвергли пыткам и сожгли много ведьм, не говоря уже о евреях.

Однако суеверие вовсе не было чем-то новым. Начиная со Средних веков крестьяне покупали и хранили прах со святых гробниц или использовали в качестве оберега амулеты с мощами святых, собирали поддельные реликвии, верили в неправдоподобные и непризнанные чудеса или заменяли Спасителя Девой Марией или соименным святым-покровителем. Известно, что и в 1500 году это было обычным явлением. Новинкой стало использование всех этих суеверий властями.

Короче говоря, вечный разрыв между религией грамотных и неграмотных продолжал расширяться, и длилось это до тех пор, пока уже между ними нельзя было навести мосты. Пока народные молитвы подкреплялись распространенными суевериями, выйдя из-под контроля епископов и богословов, в то время как рвение людей искало эмоциональный культ, работал печатный станок, с 1457 по 1500 год было выпущено более ста изданий Библии⁶.

Таким образом, нам приходится искать другие объяснения, нежели руководствоваться простой теорией, что церковь оказалась слишком неэффективным институтом, чтобы продолжать свою деятельность. Необходимо сказать о двух важнейших обстоятельствах: усиливавшейся власти местных правителей над своими царствами и улучшении образованности интеллектуальных умов западного мира⁷.

⁴ Розарий (*лат.* rosarium – венок из роз) – традиционные католические четки, а также молитва, читаемая по этим четкам. Современный вид четки приобрели в XIII веке. (*Примеч. пер.*)

⁵ Кальварий – 14 изображений крестного пути Христа, расположенных внутри храма, около него или по дороге к нему, а также крестный ход, участники которого молятся перед каждым из этих изображений. (*Примеч. пер.*)

⁶ Естественно, Библия печаталась только на латинском языке и была недоступна мирянам, ибо считалось, что ее текст могут понять только священнослужители. (*Примеч. пер.*)

⁷ Некоторые авторы добавляют третье обстоятельство – открытие Америки и следующее за этим расширение возможностей знаний и нерешенность проблем. Сохранилось немного свидетельств, чтобы подтвердить столь пространное суждение. Практические и социальные последствия усугубились позже, в XVI веке, особенно в отношении роста цен, но после выступления протестантов. Теоретические последствия занимали христианских мыслителей не только в XVII веке. Возможно, Мартин Лютер и не появился бы, если бы не было Христофора Колумба. (*Примеч. пер.*)

УСИЛЕНИЕ ВЛАСТИ МЕСТНЫХ ПРАВИТЕЛЕЙ

Английские короли Генрих VII и Генрих VIII оказались более влиятельными правителями, чем любой из их предшественников. Подобным же влиянием пользовались король Фердинанд и королева Изабелла в Испании, короли Португалии и Дании; некоторые немецкие правители и даже германский император также оказались не такими слабыми, как их преемники.

Система управления в разных странах постепенно изменилась, хотя и не так сильно, как в наши дни. Правда, в каждой стране этот процесс происходил по-своему. В Англии феодалы, личные армии которых были ослаблены Войной Алой и Белой розы, подчинились власти Тюдоров. Во Франции феодальная аристократия обладала достаточной силой, чтобы отчасти разделять власть с монархом, а в Польше знать доминировала над королем.

Однако основание гражданской службы, централизация управления и судопроизводства, использование образованных юристов, – все эти составляющие современного государства уже в XV веке обозначили конституционное развитие нескольких государств. И вокруг этих более действенных правительств складывалась идея нации, самосознания и патриотической верности этих народов.

Связь между этими процессами и успехом протестантизма несомненна, но выявляется не так легко, хотя очевидно, что успех Реформации в Англии и Голландии определялся тем, что ограничение власти церкви оказалось необходимым условием дальнейшего развития действенного правительства.

Эффективное управление требовало ограничений вмешательства папы, отстаивая законодательное право власти внутри страны взимать налоги, выступало против церковных привилегий и освобождения церкви от налогов. Все эти процессы в той или иной степени еще до 1500 года начались во всех государствах Западной Европы, а не только в тех, которые позже стали протестантскими.

Однако связь между становлением конституционности и протестантским движением, столь сильно проявившим себя в английской истории, была характерна далеко не для всей Европы. Еще до начала Реформации короли Испании и Франции частично достигли желаемых целей и начали контролировать церковь.

В 1478 году папа предоставил правителям Испании учреждать инквизицию и управлять ее работой – в частности, посредством системы судов, эффективно контролировавших священнослужителей страны и находившихся под постоянным надзором со стороны королевской власти, а не папы или епископов. Инквизиторы обладали властью над всеми религиозными орденами, а с 1531 года и над епископами, причем никакие апелляции из Рима не могли отменить их вердикт.

В течение XV столетия короли Франции, хотя и менее успешно, чем короли Англии, ограничили власть папы. В 1516 году, после длительных переговоров между папой и королем Франциском I был подписан Болонский конкордат, соглашение, определявшее законодательные отношения между папой и французской короной вплоть до Французской революции 1789 года.

Король получил право назначения на все высшие посты во французской церкви и ограничил право апелляции духовенства перед римским престолом. Теперь он смог назначать 10 архиепископов, 82 епископа, настоятелей 527 аббатств, а также бесчисленное количество приходских священников и каноников. Распределяя милости и пожертвования, король косвенно контролировал собственность церкви. Он не церемонился, если ему требовалось получить церковные деньги.

В XV веке английские короли также контролировали назначения в епископства. Даже такие слабые правители, как германский император Фридрих III Габсбург и короли Шотлан-

дии, получили право назначать своих епископов. Венецианской республике пришлось выдержать несколько войн с Римом, чтобы прийти к тому же самому результату.

Папы медленно, но неуклонно теряли реальную (не формальную) власть над церковью в различных государствах: право назначения на высшие посты, взимать контрибуции и устанавливать освобождение церковных учреждений от налогов, вмешиваться в постановления местных властей.

Очевидно, что самыми большими потерями для папского авторитета стало разрешение испанской инквизиции и подписание Болонского конкордата с французским королем. Власть папы уменьшалась, государства становились сильнее. Чем более сильным становилось правительство, тем более беззащитными оказывались обширные богатства и владения коррумпированной церкви перед лицом закона, усиливая тем самым призывы к Реформации.

Реформация не всегда становилась средством укрепления власти законных правителей страны. Напротив, во многих случаях протестантское движение было связано с политическим протестом против внешней экспансии или иностранного сюзерена, как, например, в Шотландии, Нидерландах, Швеции, некоторых швейцарских городах, в отдельных немецких княжествах, искавших независимости от императорского надзора. Даже английская политическая революция против папы оказалась слабой рефлексией на попытку избавления от иностранного господства.

По мере того как при усилении местной власти авторитет папы ослабевал, церковные реформаторы воспринимали государство как средство, несущее перемены. Реформа нуждалась в ноже, чтобы разрубить законодательные узлы, защищавшие установившиеся злоупотребления.

Противоречивые правила и предписания, конфликты светских и церковных законов, двойственная юрисдикция судов открывали возможности для выжидательной тактики, при которой процветали беспомощность епархиальной системы, анархия в работе церковной администрации, праздность и порочность.

Вы хотели реформировать монастырь? Если вы отправитесь в провинциальный орден, в епископство или к папе, возможно, вы закончите свои дни в утомительной литургии, в конце которой совершите лишь малую толику добра. Но если вы отправитесь к королю, то он может грубо разрушить тенеты и велеть монахам вести себя подобающим образом или обратиться восвояси. Лучшие из реформаторов, по крайней мере те, что находились в Испании, Англии, Франции, Германии, хотели, чтобы их сюзерен функционировал. Только он обладал властью и мог действовать результативно.

Кардинал д'Амбуаз, которому король поручил возглавить Реформацию во Франции, нуждался в подкреплении реформы буллой (от папы Александра VI), предоставляющей ему полную власть как папскому легату. Обладая полномочиями, полученными от глав церкви и государства, он возглавил удивительную Реформацию нескольких монастырей и конгрегаций.

В 1501 году он направил двух епископов для реформирования монастыря Сердца Господня (кордельеров) в Париже. Когда комиссия прибыла, монахи поспешно направились в собор, начали священное таинство и стали петь псалмы. Два епископа подождали в течение четырех часов, устали и ушли.

На следующий день они вернулись вместе с парижским провостом, сотней лучников и группой констеблей. И снова монахи начали петь свои псалмы. Однако теперь их остановили, зачитали папские буллы и королевский декрет. Они ответили чтением отрывков из своих хартий и Кодекса канонического права, совершенно противоположных по смыслу. Дело надолго зашло в тупик, пока, наконец, не образовали другую комиссию, уже из кордельеров, и кардинал смог реформировать монастырь.

Чтобы благополучно преодолевать хитросплетения законов, реформатор более нуждался в полномочиях от короля, нежели от папы, ведь даже для точного выполнения папских булл ему требовалась королевская охрана. Заинтересованность была взаимной. Реформируя церковь, государство приобретало силу, становясь более эффективным и самостоятельным, а церковь, в свою очередь, повышала авторитет, прислушиваясь к насущным требованиям времени.

Становление национальных государств привело к краху древнего представления о единстве христианского мира. Однако устами Иннокентия III или Бонифация VIII Ватикан по-прежнему возвещал о притязаниях на мировое господство. В 1493 году папа Александр VI, как «господин над всеми континентами», разделил недавно открытые земли Америки и Индии между Испанией и Португалией соответственно.

В европейских конфликтах папы стремились сместить неудобных им королей в их царствах. Во время торжественной аудиенции Александра VI в соборе Святого Петра Черрегато повторил давнюю теорию двух мечей власти, согласно которой для защиты христианства Богом были даны два меча – церковный и светский. Оба они переданы церкви, которая, сохранив для себя духовный меч, светский передала монарху. Поэтому он должен подчиняться церкви. Однако сторонники независимой светской власти, напротив, утверждали, что императоры получили свой меч непосредственно от Бога.

Понятно, что подобные притязания совершенно не отвечали суровой реальности европейской политики. Иногда папа достигал желаемого, но лишь дипломатическим путем, а не декретами. Буллы по-прежнему продолжали выкрикивать в храмах, но в тех случаях, когда шел торг, они были малоэффективны.

Чтобы достичь чего-нибудь значительного во Франции, Испании, Португалии, Англии, частях Италии или немецких княжествах, папа должен был достичь расположения или заключить договор с действующим правителем. Именно в это время во всех европейских столицах появились папские послы – нунции. Первых нунциев отправили в 1500 году в Венецию и в 1513-м в Париж.

Распоряжения церкви больше не выполнялись бездумно. Выслушав их, правители шли на компромисс, оспаривали их, даже покупали, чтобы защититься от своих врагов. Однако в 1500 году явно предпочитали откупаться.

По мере того как система европейских государств вращалась в общество, итальянские нужды и внутренняя политика папства все сильнее соотносились с международной обстановкой. Как и другие европейские правители, глава папского государства должен был установить результативный контроль над своей территорией.

Чиновниками курии могли быть только итальянцы, пап перед избранием заставляли подписать обещание, что все римские чиновники могут быть только римлянами, количество итальянских кардиналов постоянно увеличивалось. Сохранение пропорции, при которой большинство составляли итальянские кардиналы, означало ограничение влияния, которого короли хотели добиться через своих национальных кардиналов.

В течение XV века только двое из пап были неитальянцами, один из них испанец Александр VI Борджа. Другой неитальянец, англичанин Адриан VI, правил недолго, в 1522–1533 годах. Следующий подобный папа, поляк Кароль Войтыла (Иоанн Павел II), появился только в 1978 году. Причина проста – все считали, что только итальянец сможет эффективно осуществлять итальянские обязанности папы.

НОВОЕ УЧЕНИЕ

Знать, правители, купцы становились все более образованными. Больше людей читали книги, и знания становились доступными более широкому кругу людей. Печатные станки рабо-

тали, количество печатников умножалось, библиотеки, хотя и крошечные по сравнению с поздними стандартами, расширяли количество и состав своих книг.

Печатные станки делали возможными методики изучения, находившиеся в зачаточном состоянии во времена рукописей. Теперь тексты можно было сравнивать, объекты изучения требовали меньше денег, выходили критические издания, хотя слово «критическое» не использовалось в том же значении, что в XVII веке. Ведь рукописи продолжали лежать сокрытыми в библиотечных сундуках, да и методика обучения еще была в начальной стадии. Однако знания распространялись, потому что все больше людей читали книги.

Ренессанс не только принес знания, это было духовное и умственное движение, сформировавшее иное мышление. Идею Ренессанса трудно определить однозначно. Иногда ее связывают с новой атмосферой индивидуализма, восхищения человеком, природой и искусством и всеми достижениями человечества, которая и стала важнейшей предпосылкой для религиозной революции.

Поднявшись подобно Самсону, человек стремился сбросить путы, которые связывали его с ортодоксальными и аскетическими идеалами. Однако было бы неправильно видеть прямую связь между Ренессансом и Реформацией, ибо даже поверхностное знакомство с историей ее опровергает. Однако не менее ошибочно и противоположное мнение, что между Возрождением и Реформацией нет никакой связи.

Здравомыслящие историки не оспаривают эту связь, хотя и не могут точно установить причинно-следственные связи, говоря о необходимости более глубоких изысканий. Ведь гораздо легче поверить в то, что связь существует, чем категорически ее отрицать. Моральное рвение, подобное тому, какое владело святым Бернаром, более ответственно за Реформацию, чем свободная критика Петра Абеляра. Реформация в большей степени оказалась движением веры, чем разума.

Гуманисты были разнообразны, насколько это было возможно. Их объединяла только любовь к классической Античности. В Италии, где возрождение классики связывалось с возрастающим чувством национализма и прославлением итальянского прошлого, они жили в атмосфере, явно отличной от той, какая питала гуманистов севера – Германии, Франции и Англии. Гуманизм в Италии проявлялся в литературе, искусстве, философии, тогда как в Северной Европе он проявлялся в религии и богословии.

Однако при подобном рассмотрении данное различие оказывается малозначимым. Нельзя серьезно принимать демонстративное язычество эксцентриков типа Помпонио Лео, называвшего себя «Высшим жрецом», падавшим ниц каждый день перед алтарем, посвященным царю Ромулу, и каждый год праздновавшим основание города Рима.

За немногими исключениями итальянский гуманизм проникся религиозным духом, а на севере существовала гуманистическая философия и литература. Однако все же различия оставались. Восприняв итальянское стремление возрождения античных традиций, гуманисты Франции, Германии и Англии преобразовали его на религиозной основе. Это был так называемый «христианский гуманизм», который представляли Джон Колет и Томас Мор в Англии, Лефевр из Этапля во Франции. Дальше всех пошел Эразм Роттердамский.

ЭРАЗМ РОТТЕРДАМСКИЙ

(ОК. 1466–1536)

Эразм полагал, что в своем отрочестве Северная Европа ничего не знала о новом классическом учении, уже расцветшем в Италии. Как рассказывают, он не мог посвятить свою жизнь конкретному делу, иначе как устроившись с комфортом. Однако, как только Эразм приступал

к изучению дисциплины, так тотчас намеревался вдохнуть новые штудии в примеры и принципы, дабы излечить государство от северного «варварства».

Между 1498 и 1514 годами Эразм жил в Париже, Оксфорде и Италии, два года преподавал в Кембридже и, наконец, осел в Базеле, где и прожил с перерывами вплоть до своей смерти в 1536 году. Хотя Эразм по безобидному тщеславию и тешил себя мыслью о том, что только ему удалось привнести образование в северные университеты, поток знания разливался гораздо шире, чем он предполагал.

В отличие от других гуманистов Эразм писал книги, которые проникали в дома и становились достоянием широкого читателя Северной Европы. Книжные магазины продавали их в удивительных для тех дней объемах. Один парижский печатник, услышав о том, что, возможно, вскоре Сорбонна осудит «Диалоги» как еретические, поспешил напечатать их 24 000 экземпляров.

Эразм считался не только виртуозом стиля и образованным человеком. Его природный ум направлялся деликатными, юмористическими и иногда циничными наблюдениями за состоянием дел людских. Он мог писать и обучать и в то же время воздействовать на чувства, не говоря об умении веселить. Однако он никогда не становился скучным, редко делался суеверным, его мощный и столь же изощренный интеллект проникал в самую суть предмета.

Как сатирик, Эразм излучал смех, часто мягкий и иногда горький, охватывая практически все различные профессии и классы общества. Объектом его осмеяния становились короли, купцы, солдаты, торговцы, ученые. Но более и язвительнее всего Эразм высмеивал заблуждения церкви.

Он высмеивал церковь не только потому, что считал себя морально оскорбленным или из-за того, что сами священнослужители оказывались легкой добычей для сатирика. Эразм верил, что насмешка станет поворотным моментом, дав толчок ожидаемым реформам.

Именно в Нидерландах на стыке немецкой мистики и реформаторских настроений возникло «Братство общей жизни», в котором появилась знаменитая книга Фомы Кемпийского «О подражании Христу». Эразм одно время обучался под их опекой. По крайней мере, ясно, что он писал не потому, что знал, что критика духовных лиц увеличит продажи его книг, и не из простого стремления к удовольствию. Эразм не разделял накала реформаторских страстей, хотя коррупция церковников и оскорбляла его чувства ученого.

Презирая невежество, суеверие и мракобесие, Эразм пытался излечить от них своих современников. Благодаря своему перу он смог изобразить эти пороки в самом неприглядном виде и донести свое презрение до множества других умов. Такие его книги, как «Похвала глупости» (1511) или «Диалоги» (1518), вдохновили несметное множество читателей.

Образованные люди давно уже говорили о безнравственности духовенства, монахов и папы, коррупции и незаконных доходов церкви, общественных предрассудках и идолопоклонстве. Эразм облек все эти мысли в блестящую форму, превратив в притчу во языцах и заставив смеяться всю образованную Европу. Короли и епископы, ученые и купцы, все, кто претендовал на то, чтобы называться образованными людьми, сначала восхищенно приветствовали его, а затем даже одобряли.

К 1517 году Эразм стал частью установленного порядка вещей. Во Франции и Англии, Испании и Германии и даже в Италии новая Эразмова критика церкви шла рука об руку с новым знанием, особенно среди духовенства. Никто не принижал европейскую репутацию пап и духовенства, монахов и монашествующих братьев более Эразма.

Более всего он ненавидел богословов, считая их «strupом на теле человечества». Эразм осуждал их как педантов, оперирующих логикой, манипуляторов бессмысленными идеями, создателями силлогизмов, борцами за термины. «Человек найдет выход из лабиринта быстрее, чем все эти реалисты, номиналисты, томисты, альбертисты, оккамысты и скоттисты», – писал он.

Понятно, что публичное осмеяние богословов ослабляло бастионы традиционной доктрины, нуждавшейся в объяснении. Хорошо известно, что проблемы логики, этики и метафизики могут смутить умы, но презирать их вовсе не было обязательным.

Неуважение ученых диктовалось и презрением к их «трудно понимаемому» (то есть не отличавшемуся цитероновской ясностью») стилю или грамматическим ошибкам. Оно оказалось более глубоким, сильным, страстным, чем неуважение романтического поэта или неоготического архитектора его классическими предшественниками.

Скорее всего, его можно сопоставить со «сражением между древними и современными» в конце XVII века, где литературные разногласия основывались на глубоких расхождениях в философии. Древние считали современных безрассудными и, возможно, еретическими, современные находили древних недалекими и фанатичными. «Я слышал, как верблюд молился в Лувене, – говорит один из персонажей Эразма, – так что в этом нет ничего нового».

Во-первых, теологи защищали убеждения методами, которые казались устаревшими. Их теология переплеталась с философскими принципами, которым многие философы отказывались верить.

В течение двух столетий школа номиналистской философии⁸ завоевывала университеты Северной Европы. Номиналисты скептически относились к возможностям человеческого разума достичь истинных заключений в метафизической области. Они стали известны как «современная школа» и к 1500 году стали доминировать в ведущих университетах Германии и Франции.

Фактически номиналисты были ортодоксами, ибо не отвергали учения церкви, но лишь показывали ее неспособность доказать ведущие положения христианства. Поэтому они проявляли скептицизм и в отношении «Сумм» великого Фомы Аквинского⁹, пытавшегося согласовать христианское учение и естественную философию Аристотеля. Отразив в этих «Суммах» различные точки зрения многих авторов, он стремился подтвердить их неверие в силу разума.

По мнению номиналистов, все эти тщательно подобранные доказательства на самом деле подрывали основы теологии, превращая ее в грудку мусора. Номиналисты вовсе не считали, что доктрины церкви неверны, ибо полагали, что познаются не разумом, а откровением, а также авторитетом Библии или церкви (на самом же деле благодаря авторитету как Библии, так и церкви).

Отношение номиналистов к богословам видно на примере трактовки догмата о пресуществлении. Следуя своему философскому учению, святой Фома Аквинский проводил различие между «сущностью» (или универсальным концептом хлеба) и «проявлением» (или свойствами конкретного куска хлеба).

Толкуя таинство евхаристии, Аквинский предполагал, что сущность хлеба меняется в сущность тела Христа, в то время как ее проявление сохраняется, равно как и цвет, вкус и форма хлеба. Номиналисты не могли поверить и привести реальные доказательства существования универсалии или «сущности» хлеба.

⁸ В раннем Средневековье номинализм (тогда, собственно, и появились термины «номинализм» и «номиналисты») выделяется как реакция на рационалистический мистицизм неоплатоников. Номиналистическая интерпретация некоторых теологических догматов (Беренгаром Турским, Росцелином) вызвала недовольство церкви – номинализм был осужден Суассонским собором (1092). Однако это не остановило развития номиналистических идей, продолжавшегося в позднем Средневековье в области философской антропологии (Генрих Гентский), психологии (А. де Серешаль), логики (Петр Испанский, У. Оккам, Ж. Буридан). Тогда же номинализм начал конституироваться как философия опытной науки, отделившейся от схоластики (Николай из Отрекура, Николай Орем).

⁹ Два обширных трактата Фомы Аквинского (1225–1274), охватывающие широкий спектр тем – «Сумма теологии» и «Сумма против язычников» («Сумма философии»), дискуссии по теологическим и философским проблемам («Дискуссионные вопросы» и «Вопросы на различные темы»), подробные комментарии на несколько книг Библии, на 12 трактатов Аристотеля, на «Сентенции» Петра Ломбардского, на трактаты Боэция, Псевдо-Дионисия и на анонимную «Книгу о причинах». (Примеч. пер.)

Поскольку только личность «реальна», номиналисты не признавали изменение субстанции при сохранении сущности. Они верили в то, что учение о пресуществлении верно, ибо так считает церковь. Если же мы бы руководствовались только разумом, то решили бы, что оно неверно. Но доводы разума неприменимы к таинству.

Так номиналистские теологи вбили первый кол между истиной, как откровением, и сомнениями в возможности разума. Номиналисты более не искали согласия между верой и разумом, поскольку они представляют собой два разных способа познания мира, и пытаются привести их к соглашению все равно что смешивать масло и воду.

Религиозная философия стала пользоваться дурной славой. Веревка номинализма давила дыхательное горло, через которое дышали философы. Вскоре после начала английской Реформации оксфордцы начали рвать тяжелые тома Дунса Скота и выбрасывать их в корзину. Его величественные построения оказались никому не нужными. Данное отношение к Дунсу Скотту было не следствием, а сущностью Реформации.

Критики XV и XVI веков погрязли в мелочах, которые пытались разрешить схоласты. Их представление о рациональности теологии закончилось вместе с верой в возможности логических умозаключений. Оно связано со скандалом, последовавшим после того, как схоласты пытались выяснить, какое количество ангелов сможет находиться на острие булавки.

В частности, Фома Аквинский считал, что если ангелы обладают Божественной сущностью, то они могут быть одновременно во многих местах. С точки зрения аксиомы, выдвинутой Аквинским, на эти вопросы казалось возможным найти ответы.

Номиналисты считали подобные построения надуманными, поскольку на них нет ответов в Священном Писании или в определениях церкви и их нельзя объяснить разумно. С точки зрения номиналистов, Фома Аквинский оказался слишком самонадеянным вместо того, чтобы искать настоящее решение реальных проблем.

Для Эразма и для первых реформаторов, воспитанных в обществе, скептически относящемся к метафорической причине, понятие «силлогизм» пахло абсурдностью и самодовольством. Эти предсказатели, презрительно замечал Эразм, думают, что, как атланты, держащие на своих плечах небо, они смогут подпирать католическую церковь своими силлогическими подпорками.

Философия не являлась мертвой дисциплиной. Францисканцы оставались скотистами, доминиканцы все еще были томистами, в университетах продолжалось изучение старых способов мышления. Но это уже не было магистральным направлением философии. Избегая неразрешаемых проблем, номиналисты сделали предметом своих изучений логику и проблемы смысла, выведя таким образом философию из области теологии.

Изучение логики оздоравливает разум, но дает мало пищи для души. Томас Мор однажды заметил, что «чтение трудов схоластов столь же полезно, как доение козла в решето».

На смену разлагавшимся изнутри богословским школам пришел гуманистический критицизм с его незаинтересованностью философскими построениями, расширением существующих форм образования и интересом к критическим и историческим исследованиям.

Разрыв между схоластами и гуманистами вовсе не был неизбежным, ибо несогласие между старым и новым образованием часто преувеличивают. Определенное противоречие между ними возникло не потому, что схоласты закрывали глаза на новое знание, но потому, что новые схоласты оставались заносчивыми, высокомерными и агрессивными.

Тем не менее традиция школ часто страдала от безапелляционных недостатков традиционализма. Говорят, что в 1505 году Вимпфелинг поставил Университет Фрайбурга в затруднительное положение, пытаясь доказать, что Христос, святой Павел и святой Августин не являлись монахами.

Лефевр из Этапля вступил в длительную схватку, когда предположил, что Мария Магдалина и Мария, сестра Марты, не являлись одним и тем же человеком. Эразм верил, что

Послание к евреям не было написано святым Павлом. Он также сомневался в том, что Книга Откровения вышла из-под пера святого Иоанна. Он знал, что тринитаристская версия Первого послания Иоанна не встречается ни в одной греческой рукописи, а также выяснил, что труды Дионисия Ареопагита являются подделкой.

Неразработанность методологии критики нередко приводила к конфликтам между новыми исследованиями и ортодоксальными трудами схоластов, традиции которых блюли теологи.

Начавшийся в 1514–1516 годах спор о еврейских книгах расколол схоластов на два лагеря, став прологом к Реформации. Крещеный еврей по имени Пфэфферкорн начал кампанию с целью конфискации еврейских книг, не являвшихся христианскими. Против него выступил Иоганн Ройхлин – известный правовед и выдающийся филолог-гебраист, которого считают создателем науки о еврейском языке. Консерваторы обвиняли Ройхлина в увлечении каббализмом, а Эразм сравнивал его со святым Иеронимом. Ройхлин категорически восстал против сожжения еврейских книг. Автор грамматики и словаря древнееврейского языка, он указывал на значение еврейских книг для развития человеческой мысли и самого христианства. Его книга *Rudimenta Hebraica* (1506) прояснила многие неясные места в тексте латинского перевода Библии IV века (вульгате).

В 1511 году Ройхлин написал книгу *Augenspiegel* («Ручное зеркало»), в которой перечислил 34 ошибочных или заведомо ложных суждения, а то и просто подтасовки своих оппонентов. Кельнские церковники приговорили ее к сожжению. Ройхлин ответил обскурантам новой брошюрой «Защита против кельнских клеветников» (1513), где называет их не только архиклеветниками, но и фальсификаторами. Ройхлина потребовали привлечь к суду как еретика, а книгу осудили инквизиторы в Майнце и торжественно сожгли в Кельне. Обе стороны обратились к папе, который, наконец, поддержал осуждение.

Известие о предстоящем суде над Ройхлином взволновало гуманистов Европы. Многочисленные сочувственные письма, полученные от культурных и государственных деятелей, мыслящих по-новому, Ройхлин напечатал в виде сборника «Письма знаменитых людей» (1514). А следом появилась настоящая боевая сатира против кельнских схоластов и обскурантов – «Письма темных людей» (1515). Главным предметом критики стала алчность и продажность католического духовенства, его бытовое разложение. Считается, что первая книга была написана Кротом Рубеаном, магистром из Эрфурта, а вторая (1517) – его учеником, молодым гуманистом, известным поэтом-рыцарем Ульрихом фон Гуттенмом.

Всеобщая дискуссия, начавшаяся в Кельне в 1507 году, продолжалась десять лет. В конце концов дело разбиралось Латеранским собором в 1516 году и решено было в пользу Ройхлина. Спор вокруг древнееврейских книг закончился расколом, отпадением протестантизма.

Не так легко провести грань, отделяющую догмат от теологического мнения. Намероваясь критиковать догму, гуманисты не могли просто отвергнуть традиционных теологов, не затрагивая основ католического вероучения. Чтобы выполнить столь грандиозный замысел и восстановить истинную теологию, Эразм подготовил ряд трудов. В 1503 году он опубликовал *Enchiridion militis Christiani* («Настольную книгу христианского воина»), где попытался очертить эту истинную теологию. Она представляла собой более простую теологию, более примитивную, более библейскую, менее запутанную логическими тонкостями и более обращенную к душе человека. Свободную от домыслов и комментариев.

В 1516 году Эразм опубликовал издание греческого Нового Завета, приложив к нему обновленный латинский перевод. Для Евангелия он использовал греческую рукопись XIV века, для Деяний и Посланий две греческие рукописи того же времени, для Апокалипсиса рукопись VIII века, ошибочно считавшуюся им апостольской.

Однако его версия оказалась ничем не лучше вульгаты, которую он иногда изменяет без достаточных оснований; было бы гораздо лучше, если он продолжал использовать греческие

рукописи. Порыв Эразма был ясен, он хотел, чтобы все могли читать Библию на народной латыни, он хотел, чтобы она дошла до самых убогих.

Эразм отбросил комментарии схоластов и осторожно отсылал ученых к Отцам Церкви. Он опубликовал труды Иеронима и других латинских Отцов Церкви, сделал переводы Афанасия и Иоанна Златоуста и других греков. Эразм хотел, чтобы Библия пришла к человечеству обновленной, и написал латинский пересказ всех книг Нового Завета, кроме Апокалипсиса.

Это новое изучение Библии при всей своей простоте не соответствовало путаной и иногда абсурдной народной вере. Эразм и его сподвижники проявили излишнюю нетерпимость к ее внешним проявлениям. Поклонение статуям, паломничество к Мадоннам, вращающим глазами, или кровоточащие гости (евхаристический хлеб из пресного теста у католиков, в англиканской и некоторых других протестантских церквях. – *Ред.*) казались им вовсе не безобидными проявлениями наивной веры, а знаменем истинной религии.

Население склонялось к религии, которой были свойственны внешние проявления, и заменяло паломничество, индульгенции, реликвии внутренним преобразованием и очищением. Лучшей стороной Эразма было тяготение к истинной религии, обратившей его сатиру в жестокое осуждение.

«Как ты можешь поверить, что все твои грехи отпускаются небольшим кусочком бумаги или пергамента с печатью, мелкой монеткой, восковым образком или совершением недалекого паломничества. Тебя нагло обманывают». «Возможно, без обрядов ты не станешь христианином, потому что не они делают тебя христианином». Исконная средневековая оппозиция между идеалом и реальностью начала превращаться в противостояние Библии и религиозной практикой католической церкви.

Европа хотела реформ, но не ожидала революции. Многие образованные люди подобно Эразму хотели, чтобы осмеяние недостатков церкви способствовало ее очищению. Однако собственник вряд ли стерпел бы насмешку над тем, что ему принадлежит. Поэтому в противостояние включились весьма влиятельные силы, считавшие, что существующее состояние церкви вовсе не свидетельствует о ее глубоком моральном кризисе и что его нельзя улучшить через насилие и нарушение закона.

Известно высказывание XVI века: «Эразм снес яйцо, а Лютер его высидел». Конечно, очевидно, что в одиночку Эразм не смог бы довести задуманное до конца. Сам же он впоследствии говорил, что написал бы свои книги, даже если бы предвидел, что из этого выйдет.

Глава 2 Лютер

В дорогостоящем мире Ренессанса над папством постоянно нависала угроза банкротства.

Годами римская администрация жила не по средствам, чтобы противостоять растущим тратам, постоянно поднималась плата за разрешение брака между родственниками, освобождение от налогов, продажу индульгенций и подобное. Высокопоставленные священнослужители расплачивались огромными суммами. Например, епископ Шартра ежегодно выплачивал 30 000 ливров налогами, законным жалованьем и взятками. Но из этих денег далеко не все доходило до Рима.

Неповоротливая бюрократическая машина кормила множество посредников от чиновников до короля. Папа постоянно упрекал их за алчность, хотя и ему также кое-что перепало. Чтобы преодолеть возникающий дефицит средств, он создавал новые должности и продавал их.

Поскольку каждая новая контора нуждалась в доходах, подобное незатейливое решение сравнивалось с проживанием капитала, который просто тратили, не думая о последствиях. При Иннокентии VIII группа мошенников заработала кучу денег, выставив на продажу поддельные буллы. Данный случай ярко характеризует финансовую атмосферу того времени.

Доход Венецианской республики составлял примерно миллион дукатов. Даже в лучшем случае доход папы составлял не более половины этой суммы, хотя он нес значительно большую политическую, духовную и иногда военную ответственность, чем Венеция.

В 1484 году папа Иннокентий VIII был вынужден заложить свою тиару за 100 000 дукатов. Папа Александр VI, чья финансовая проницательность относилась к одному из главных его достоинств, сбалансировал бюджет Ватикана. Стремясь возвысить влияние папства в европейской политике, оказывая щедрое покровительство великим художникам и архитекторам, его преемник Юлий II свободно тратил во всех направлениях. Лев X также продолжал сорить деньгами. В 1513 году он задолжал по крайней мере 125 000 дукатов.

Постоянные траты вынуждали его обращаться за займами к банкирам. Финансовые дома Европы, такие как Медичи во Флоренции, Джустиниани в Генуе или Фуггеры в Аугсбурге, обеспечивали папу необходимыми кредитами. Эффективно ведя дела, они укрепляли и свою собственную безопасность, заботясь о полном взыскании всех церковных сборов.

Банкиры были тесно связаны с источниками папских доходов, ассигнованиями, освобождением от налогов, обетов и продажи индульгенций, стремясь получить не только возмещение своих займов, но и долю от прибыли. Понятно, что в стремительно развивающемся мире в займах нуждались не только папы.

Королям неоднократно приходилось отправлять в банки посланцев с протянутой рукой. Известно, что однажды Фуггеры спасли Карла V от угрозы возникновения волнений. Нуждались в кредитах и архиепископы, и именно архиепископ, отчаянно нуждавшийся в кредите, связал потребность в административной реформе с учением.

ИНДУЛЬГЕНЦИЯ

Архиепископ Альберт Майнцский был принцем двадцати семи лет, отцом эрцгерцога Бранденбургского. Он также являлся архиепископом Магдебурга (в этой епархии находился Виттенберг) и администратором прихода Хальберштадта. Чтобы соединить все три высокие должности, ему требовалось получить разрешение из Рима.

Плата за разрешение оказалась настолько огромной, что Альберту пришлось взять заем у Фуггеров, крупнейшего в Германии банкирского дома. Для погашения долга он организовал по всей Германии продажу индульгенции с целью построения собора Святого Петра в Риме, о которой недавно объявил папа. Верующие, опасавшиеся, что их умершие родственники страдают в чистилище, где их души, согласно католическому догмату, очищаются от грехов, покупали индульгенции не только для себя, своих родственников, но и для умерших. Папа богател, не предполагая, что массовая продажа индульгенций в конечном счете приведет к Реформации.

Одним из наиболее удачливых продавцов был монах-доминиканец Иоганн Тецель. Призывая братьев и сестер в вере каяться, не жалеть жертвовать Богу самое дорогое, что есть у каждого, он показывал устрашающую картину, на которой был изображен дьявол, мучающий души грешников. Это действовало безотказно. Кружки для сбора денег не хватало. Поэтому Тецель возил с собой огромный железный ларь, на котором была стихотворная надпись: «Как только на дне монетка зазвенит, так сразу измученная душа из чистилища улетит».

Однако во владениях немецких курфюрстов и феодалов его активная деятельность нравилась далеко не всем. Здравомыслящие и особенно образованные люди прекрасно понимали, что собираемые в огромном количестве деньги настоятель мог использовать так, как ему вздумается. А это уже не богоугодное дело. Пользоваться чужими деньгами себе во благо – большой грех. Об этом написано в Библии.

Эрцгерцог Фредерик Мудрый, правитель Саксонии, запретил Тецелю продавать индульгенции на своей территории. В отличие от других князей он возмущался по поводу утечки денег со своей территории и не хотел поддерживать дом Бранденбурга, представленный архиепископом Альбертом, который гордился своим собранием реликвий и индульгенциями с даваемыми ими преимущественными доходами.

В его замковой церкви в Виттенберге хранились шкатулки с 17 443 фрагментами священных костей и другими предметами, включая и мощи одного из святых мучеников.

Тем не менее люди эрцгерцога пересекали границу, находившуюся в нескольких милях, чтобы услышать Тецеля, проповедовавшего в соседних городах. Мартин Лютер, преподававший богословие в Виттенбергском университете, уже несколько лет выступал против системы индульгенций. Больше всего его беспокоило, что невежественные люди предполагали, что нет нужды в покаянии, потому что они купили отпущение грехов.

Лютеру показали копию инструкций архиепископа, данных Тецелю, и он испытал потрясение. В канун Дня Всех Святых, 31 октября 1517 года, он прикрепил к двери Замковой церкви в Виттенберге плакат с написанными на нем 95 тезисами об индульгенции¹⁰. Лютер заявил, что готов защищать эти тезисы на общественном диспуте, и утверждал, что духовенство и церковь не могут быть посредниками между верующим и Богом. Душа человека и Бог должны быть связаны напрямую. Лютер указывал на ошибочность веры в очищение от грехов путем покупки индульгенций. Очевидно, что тезисы написаны как сердцем, так и разумом. Хотя тезисы носят в основном консервативный характер и содержат основные доктрины лютеранской Реформации, дух академического диспута в ряде случаев переходит в болезненный стон.

«Папа обладает богатством, во многом превышающим то, чем владеют другие люди, – почему же он не строит собор Святого Петра на собственные деньги, вместо того чтобы получать их от бедных христиан?» Перед нами явно тезисы, направленные на теологию индульгенции. Однако хотя они отражали стон немецкого народа в связи с итальянскими поборами, все же тезисы, по сути, не оказались антипапскими.

¹⁰ Первое свидетельство о прикреплении этих тезисов исходит от Меланхтона, упомянувшего о них спустя 29 лет. Вероятно, Меланхтон был свидетелем этого события.

Лютер осмелился предположить, что папа не одобряет несправедливую продажу индульгенций, если знает об этом. Он также писал о том, что христианам следует сказать, что, если папа знает о том, что происходит, он скорее увидит церковь Святого Петра в руинах, чем построит ее на костях и плоти своей паствы.

МОЛОДОСТЬ ЛЮТЕРА

Во время написания 95 тезисов Лютеру было почти тридцать четыре года. Он происходил из крестьян, был плотно сложенным коренастым мужчиной с глубоко посаженными беспокойными глазами, отличался открытым и общительным характером. Его ум был активным и живым, однако вовсе не отличался гибкостью. Лютер считался человеком скорее горячим и настойчивым, чем мягким и деликатным. Друзья уважали его за упорство и открытый характер, зная, что он ничего не утаивает от них, не отгораживается, позволяет проникать в его истинную суть. Он не переставал быть крестьянином и гордился своим происхождением. Его речь пестрела разговорными оборотами, могла быть даже грубой, резкой и с простецкими шутками.

Мартин Лютер родился в 1483 году в семье Ганса Лютера (1459–1530) – бывшего крестьянина, перебравшегося в Эйслебен (Саксония) в надежде на лучшую жизнь. Там он поменял профессию, занявшись горным делом на медных рудниках. После рождения Мартина семья переехала в горный городок Мансфельд, где отец стал зажиточным бюргером.

В 1501 году после окончания начальной школы Лютер поступил в Эрфуртский университет, поскольку в те времена все бюргеры стремились дать своим сыновьям юридическое образование. Но ему предшествовало прохождение так называемого курса «свободных искусств». В 1505 году Лютер получил степень магистра свободных искусств и приступил к изучению юриспруденции. Именно в это время против воли отца он поступил в августинский монастырь в Эрфурте. Возможно, причиной стало сильное потрясение во время грозы, но скорее всего им двигало желание освободиться от родительского гнета. Лютер был примерным монахом и в 1507 году был посвящен в священники.

В монастыре Лютер изучал святого Августина и полюбил его сочинения. Как последователь учения Августина и Святых Отцов, он разделял, как было типично для его времени, пренебрежительное отношение к ученым аристотелевской школы. Он не был гуманистом. В начале же реформ гуманисту полагалось быть гуманистом. Подобно Эразму и Меланхтону, Лютер принял греческое имя и стал называться Элевтерием. Однако оно оказалось весьма неподходящим и впоследствии редко использовалось.

Позже некоторые из его друзей жаловались, что Лютер мало интересуется литературой Древнего мира, считая, что она может помочь ему смягчить грубость речи. Гуманизм оставался европейским явлением и в то же время интернациональным, предполагая существование интеллектуальной аристократии. Лютер же был немцем, националистом, человеком из народа. Удивительно, что при этом он оказался не чуждым прекрасному, умел играть на лютне и обладал приятным тенором.

Действительно, Лютер не следовал древним авторам и не заботился ни о стиле, ни об изяществе своих речей, на протяжении всей жизни оставаясь чем-то вроде школьного учителя по своим методам и отношениям.

В 1508 году Лютера отправили преподавать в новый университет в Виттенберге. Там Лютер одновременно преподавал и учился, чтобы получить степень доктора теологии. В 1511 году Лютера отправили в Рим по делам ордена. Поездка произвела на молодого богослова неизгладимое впечатление. Именно там он впервые столкнулся и увидел воочию развращенность римско-католического клира. В 1512 году он получил степень доктора богословия и

занял должность профессора теологии. Помимо своих обязанностей преподавателя он являлся смотрителем 11 монастырей и проповедовал в церкви.

Однако еще до 1516 года он принял идеал простой теологии, возвращения к истокам христианской веры, изложенной в Священном Писании и трудах Отцов Церкви. Вначале Лютер был ревностным монахом, прилежно читающим молитвы и рьяно соблюдавшим посты. Однако спустя несколько лет он начал сомневаться. «Я пытался, как только мог, придерживаться Устава. Я привык каяться и составлять список своих грехов. Я снова и снова каялся. Я добросовестно выполнял наложенное на меня покаяние. И все же продолжал беспокоиться. Что-то внутри меня говорило: «Тебе здесь тесно». «Ты недостаточно раскаиваешься». «Вынй этот грех из своего списка». Я пытался извлечь сомнения и угрызения из своего сознания, объясняя их человеческими немощами и традициями. Чем больше я пытался излечиться, тем сильнее смятение и беспокойство овладевали мной».

Он преисполнился доминировавшим в нем чувством величия и возмущения Господа. Лютер чувствовал, что его искушают, чтобы он поверил, что является отверженным и греховным, что он никогда не искупит свою вину, и Господь полюбит любого, но только не его. И он заболел от мысли, что Господь прав.

Направляемый Штаупицем, генеральным викарием своего ордена, к изучению Библии и святого Августина, Лютер обнаруживает в Послании к римлянам новый смысл, помогающий ему обрести успокоение, к которому так стремится его душа. Важно, что он не достигает подобного постижения ни в неожиданном просветлении, ни в ослепляющем откровении.

В XX веке современные ученые обнаружили и изучили курс лекций о Библии, которые Лютер читал между 1513 и 1518 годами. На протяжении этих лет его понимание святого Павла росло, оттачиваясь в своей точности, чистоте и зрелости. Хотя начало этого процесса видно уже в прочитанных в 1513–1515 годах лекциях о Псалтири – они отличаются более схоластичным и традиционным языком, нежели его произведения написанные в последующие годы.

Позже, оглядываясь на свое прошлое, Лютер писал, что, читая в башне Послание к римлянам, он неожиданно почувствовал смысл выражения «ты станешь жить верой»¹¹. Его сочинения показывают, что осмысление происходило постепенно.

Лютеру показалось, что обещание соотнеслось с самым глубоким опытом его морального существования. Стойкий монах не должен верить в свою непоколебимость и тщательно каяться. Прощение Господа обещано всем, кто верит в Него. Только через веру милость Господня может снизойти на заблудшие души и принести им упокоение в вечном мире, лежащем за пределами его сознания. Сердце человека слишком порочно, чтобы спасти себя, прощение – дар, его нельзя выиграть.

Еще не зная о Тецеле и индульгенции, Лютер писал, «что божественную праведность мы получаем последствием самой веры в Бога и благодаря ей, тем самым милостивый Господь оправдывает нас последствием самой веры». Этот тезис нашел понимание и поддержку в Виттенберге. В мае 1517 года Лютер писал другу: «Моя теология, то есть теология святого Августина, продвигается и начинает преобладать в университете. Это сделал Господь. Аристотель повержен и, возможно, совершает свой путь вниз, в ад. Меня забавляет, что немногие хотят слушать лекции по Петру Ломбардскому. Никто не идет на лекции, если лектор не станет учить моей теологии, то есть теологии Библии, святого Августина и всех истинных теологов церкви».

«Я совершенно уверен в том, что церковь не реформируется до тех пор, пока мы не избавимся от канонического закона, схоластической теологии, философии и логики в том виде, как они преподаются сегодня, и заменим их чем-то иным».

¹¹ Опыт башни точно не датируется. Спорят, произошло ли это событие после индульгенции или восходит к 1518 году. Возможно, оно случилось в 1512 году.

Учение об оправдании верой не упоминалось и в 95 тезисах. Однако, несмотря на замалчивание тезисов, нападки Лютера на индульгенцию выплеснулись из «моей теологии», из Павловского осуждения милости Господа. Лютер считал, что индульгенция оказывает пагубное влияние, потому что вводит в заблуждение простые души. Он видел в ней внешнее проявление ошибочного и пагубного для христианства представления, что веру в Господа можно заменить внешними действиями, формами, выплатами, «благочестивой деятельностью».

Лютер не нападал на индульгенцию и тем самым познал доктрину оправдания только через веру. Он лишь применил уже поддержанную слушателями доктрину оправдания, чтобы осудить частичную индульгенцию.

НАПАДКИ НА ПАПУ РИМСКОГО

Архиепископа Альберта Майнцского интересовали не богословские тонкости, связанные с продажей индульгенций, а доходы от нее. Обнаружив, что протест никому до сих пор не известного священника в Виттенберге уменьшает продажи, он сообщил о Виттенбергских тезисах папе, который счел разногласия тривиальными и велел главе августинского монастыря заставить замолчать своего монаха.

Являлись ли нападки на индульгенцию еретическими? Доминиканские богословы, выступавшие хранителями веры и являвшиеся естественными соперниками монахов-августинцев, объявили, что, сомневаясь в индульгенции, Лютер является еретиком, и попытались это доказать. Он пытался оспорить непогрешимость папы римского, а это уже ересь. Однако полемика быстро переросла в дискуссию о власти папы и ее границах, так что споры по поводу индульгенции остались позади, войдя в более широкий круг обсуждаемых проблем.

Сначала Лютеру вовсе не нравилось, что к нему относятся как к лидеру движения, направленному против папы. Люди верили, что он собирается сделать то, чего он делать вовсе не собирался. «Нота, – заявлял он, – взята выше, чем может взять мой голос».

Возможно, Лютер успокоился бы, однако число его сторонников начало быстро увеличиваться. Его мирской сюзерен, курфюрст Фридрих Саксонский, встал на его защиту. Бесспорно, курфюрст не разбирался в теологических аргументах. Однако, как саксонец, он гордился своим университетом в Виттенберге, видя в нем защиту от просачивания итальянцев в Германию. Кроме того, он вовсе не хотел, чтобы епископ Бранденбургский обогащался за счет его земель, и, наконец, доверял своему священнику Спалатину, являвшемуся другом и опорой Лютера. В свою очередь, папа вовсе не хотел из-за соперничества между двумя орденами обидеть могущественного германского князя, который мог оказаться ему полезным в предстоящей борьбе за императорскую корону.

Тем временем по всей Германии распространялись не только тезисы, но и соответствующие памфлеты, волновавшие общественность и повышавшие число сторонников Лютера. В Германии неожиданно стала подниматься волна недовольства, направленная против отдаленного и раздражающего контроля Рима. Тецель, которого в Риме сделали доктором богословия, боялся выйти из дома, опасаясь насилия со стороны населения.

На рейхстаг 1518 года в Аугсбурге вынесли ряд требований, направленных против освобождения церкви от уплаты налогов и вмешательства Рима в дела Германии. На стороне папы выступил известный доминиканский богослов и сторонник схоластики, а также папский легат кардинал Каэтан. Лютер предстал перед Каэтаном 12–14 октября, и, несмотря на гарантии, обещанные ему курфюрстом, ему угрожала большая опасность, чем когда-либо.

Каэтан вовсе не хотел вступать в спор по поводу индульгенции, считая вопрос, попросту говоря, находящимся вне юрисдикции папы или вызывающим возмущение. Он велел Лютеру отречься от своих слов, пригрозив суровым наказанием. Лютер проявлял уважение, умеренность, смирение, однако не отступил ни от одного пункта. Он предпочитал скорее умереть.

Друзья Лютера заставили его той же ночью поспешно уехать из Аугсбурга. Если стремление к истине означало выпад против папы, то это следовало прояснить. И Лютер напечатал отчет о беседах с Каэтаном, приложив к нему комментарий, где в оскорбительной форме отозвался о притязаниях римского престола на верховенство и непогрешимость в вопросах верования. 18 ноября 1518 года он торжественно подал в Высший совет христианской церкви апелляцию на папу.

Советники папы Льва X оказались не готовы к решительным действиям. Они отправили немецкого дворянина Карла фон Мильтица, чтобы тот вручил курфюрсту Фридриху Золотую розу и заручился его поддержкой против турок и Лютера. Мильтиц поместил Золотую розу на хранение в банк Фуггера в Аугсбурге и допросил Лютера в январе 1519 года в Альтенбурге.

Искусный дипломат увидел состояние немецкой мысли и понял, что, даже обладая армией в 25 000 человек, он не смог бы силой заставить Лютера подчиниться Риму. «Мартин, – заявил он ему, – я представляю тебя через несколько лет пожилым теологом, бормочущим доводы самому себе в уютном уголке за очагом. Сейчас же нахожу, что ты молод, силен и отличаешься оригинальным умом». Он вынудил Лютера написать смиренное письмо папе Льву (оно датируется 3 марта 1519 года). В нем Лютер выражает почтение католическому престолу, но ни от чего не отрекается.

Спустя шестнадцать месяцев после «Тезисов» несломленный Лютер продолжал оставаться преданным своим августинцам и в некотором смысле признавал папу главой церкви. Что бы ни писали современные цензоры, некоторые средневековые богословы даже в марте 1519 года не считали Лютера еретиком.

Все начало 1519 года Лютер изучал историю папства. Он нашел то, что искал, – основания, чтобы подтвердить сомнения по поводу высшей власти папы. Изучение Библии убедило его в неверности продажи индульгенций. Как продолжали напоминать его антагонисты, индульгенции держатся только властью папы.

Следовательно, противопоставив Библию и авторитет папы, Лютер нашел множество авторов, убедивших его, что папа вовсе не обладает божественным правом главы всех церквей. Высшая власть в церкви принадлежит Вселенскому собору, а папа является главным слугой его.

Дальнейшая аргументация Лютера основывалась на положениях самого блестящего и непреклонного полемиста его времени Иоганна Экка (1486–1543) из Ингольштадта. Если быстрота и находчивость могли одержать победу, то Экк легко бы положил Лютера на лопатки.

В июле 1519 года Экк встретил друга Лютера Карлштадта (насколько их можно было считать друзьями) на публичных дебатах в Лейпциге и вступил с ним в перепалку. Дебаты прошли в зале замка Плейссенберг, на некоторых заседаниях присутствовал герцог Георг Саксонский.

Дискутировавшие разместились напротив друг друга на кафедрах, с одной стороны – Экк со своим хриплым, скрипучим голосом и готовностью отвечать, прямо написанной на его лице. На другой – Лютер с его четким, мелодичным голосом, аскетическим видом и невнятными ответами. В большинстве дебатов Экк одерживал верх как над Карлштадтом, так и над Лютером. Его величайшая и роковая победа принудила Лютера переменить свои взгляды и перейти ту грань, которая отделяет реформу от революции.

Как известно, Лейпциг расположен неподалеку от границы с Чехией (Богемией). Для короля и жителей Чехии Ян Гус, сожженный по решению собора в Констанце в 1415 году, стал самым известным из еретиков. Вполне естественно, что оппоненты Лютера щедро поносили его обидными словами «богемец» или «гусит», хотя и не носившими ярко выраженной коннотативной оценки.

Лютер, также считавший Гуса еретиком, с негодованием отвергал все прозвища. Экк намеревался показать, что отдельные положения Лютера сходятся с точкой зрения Гуса, и поэтому тот должен разделить с ним обвинения в ереси.

Если Лютер и не смог оказывать активное противодействие Экку, то искусно избегал подобных обвинений. Однако он обладал непреклонным мышлением, скорее стремился достичь истины, чем победить. Кроме того, Лютер обладал моральной храбростью, смешанной с упорством или упрямством.

Столкнувшись с искусным маневрированием Экка, стимулируемый его выпадами, Лютер сделал то, что от него и ожидал противник. Он признал, что Гус в некоторых вопросах прав, а собор в Констанце, осудивший его, ошибался. «Многие убеждения Яна Гуса и его учеников на самом деле являются христианскими и евангельскими, и католическая церковь не должна их осуждать». Эти слова вызвали бурную реакцию, и в ответ герцог Георг Саксонский, причем так громко, что все это слышали, воскликнул: «Чума все это!»

Экк ликовал. Вначале Лютер выступил против непогрешимости папы, а теперь отрицал единственную его альтернативу, то есть непогрешимость собора. Где же тогда следовало искать истину?

Допущение имело особое значение для понимания особенностей склада ума Лютера. Он был консервативен, его вел не ум, а темперамент. На протяжении всей своей жизни Лютер возмущался по поводу ненужных перемен и вовсе не стремился к революции, он только хотел очистить католическую церковь и сохранить ее догматы.

Однако дебаты в Лейпциге сломали последний барьер, который мешал проявлениям враждебности со стороны Рима. Лютер публично и безвозвратно объявил себя сторонником человека, осужденного церковными властями. Соответственно, он осуждал несовместимость между Библией и существующими церковными властями, между правдой, несомой словом Божиим, и ошибками, вытекающими из человеческой природы папских церковников.

К февралю 1520 года Лютер пошел дальше, чем допускал в Лейпциге. «Мы все гуситы, хотя и не знаем об этом, – писал он. – Святой Павел и святой Августин также были гуситами».

Теперь Лютер стал известным или, точнее, знаменитым человеком. Люди всегда охотно покупали то, что он печатал, поскольку Лютер открыл миру то, что тот хотел от него услышать. Хотя Лютер и не располагал достаточными доводами, но все же обладал великолепным даром полемиста. Его стиль отличает человека прямого, наносящего резкие удары, подкованного в Библии, развитого.

Своим все большим поклонникам Лютер направил ряд немецких и латинских памфлетов, они легко читаются, отличаются красотой выражений, хотя иногда резкого свойства. Именно благодаря своему языку Лютер и стал известен. «Мой нрав отличается горячностью, – писал он в 1520 году, – и мое перо легко разогревается».

Памфлеты Лютера могут быть возмутительными. В них часто повторяется одна и та же тема, и религиозный аспект явно преобладает над полемикой. Лютер нападал на папу, сосредоточившись на библейском учении и религиозном усердии. Он с одинаковой легкостью писал комментарий к «Посланию к галатам» или вступление к «Магнификату», проповедь, послание, утешающее страдающих. Лютер не видел никакого различия между высоким и низким стилем. У него была только одна цель – духовная и моральная Реформация христианского мира.

Естественно, что для человека, оказавшегося в глазах многих церковников еретиком и, следовательно, ощущавшего смертельную опасность, необходимо было представить свою деятельность как поединок с силами тьмы. Религиозные идеалы милости и справедливости заставили Лютера воспринимать христианскую душу как крепость Господа, осужденную и оскорбляемую армиями демонов.

Лютер пробивал собственный путь, страдая физически, преодолевая искушения. Однажды Лютер сравнил свою душу с гусем, выставленным в качестве приманки в яме с кольями. Со всех сторон он окружен волками, падающими в яму и погибающими на кольях.

Самый известный гимн Лютера, «Господь – наш оплот», выходит из самых глубин его сердца:

И если в этом мире правят дьяволы,
Только и ждущие, чтобы разорвать нас,
Мы не станем печалиться,
Равно как и не будем стремиться превзойти их.
Пусть порочный правитель
Смотрит мрачно, он, как и всегда,
Не нанесет никому вреда, только насмешкой,
Но почему – его участь известна,
И слово быстро убьет его.

Гимн написан через несколько лет после дебатов, в 1527 году. Он помогает понять уникальное сочетание в Лютере искренней набожности с постоянным стремлением полемизировать.

Среди сочинений Лютера 1520 года наиболее известны три программных документа Реформации: «К христианскому дворянству германской нации» (на немецком), «О вавилонском пленении церкви» (составлен на латинском языке) и «О свободе христианина».

Второй из них считается выпадом против настоящей доктрины о семи таинствах. В третьем содержится обновленное заявление к папе по поводу учения об оправдании верой и его применения к моральной жизни христианина. Свобода христианина может быть обретена только в вере как милость Божья. Первое считается самым революционным из всех его полемических трудов. Лютер считал его звуком трубы, разрушившим стены Иерихона. Он призывает князей и магистратов Германии реформировать церковь ради добродетели их деятельности.

Однако духовенство не могло или не хотело реформироваться. Короли и принцы волей-неволей должны были выступить и реформировать церковь. Во время кризиса необходимо действовать оперативно. Следует ли нам ожидать распоряжений мэра, прежде чем мы побежим гасить огонь, даже если случилось так, что огонь подойдет к его дому? Если вторгнувшаяся армия нападает на город, каждый горожанин должен поднять тревогу.

Реформа невозможна, пока не придет конец власти папы в Германии. Короли и князья должны восстать и уничтожить ее. Они должны запретить индульгенции, отлучения, десятины, поборы, жизненные блага пап и богатство кардиналов, излишества, похвальбу, ввести светское управление папой и епископами, в обязанности которых входят только проповеди и молитвы, но не мирские дела.

«Неудивительно, если Господь обрушит с небес огонь и серу, обратив Рим в пепел, как однажды он покарал Содому и Гоморру». Князья должны положить конец отлучениям, действиям бесполезных чиновников Римской курии, руководству со стороны клира, находящегося в состоянии celibата (безбрачия). Они должны уменьшить число процессий, паломничеств, клятв, юбилеев, месс по умершим, монахов нищенствующих орденов и попрошаек.

Также необходимо реформировать учебные планы в университетах, вернуть обратно изучение Библии и небольшого количества действительно добродетельных книг, кроме Библии. Германская нация и империя должна быть свободной и следовать собственному образу жизни. Правители должны издавать законы, направленные на моральное изменение людей, ограничивать чрезмерность в одежде, праздниках или островах, уничтожить общественные бордели, контролировать банкеты и выдачу кредитов.

Разве верно, чтобы миряне подстрекали против церкви? Является ли это святотатством? Разве в обязанности духовенства не входит Реформация церкви? Лютер осудил замечание, что церковь состоит из духовенства. В соответствии с Новым Заветом, священники составляют ее скелет, а народ – тело. Миряне также обладают правом служить в церкви, ведь у них такие же духовные устремления, как и у священников.

Правитель призван Господом, чтобы он заботился о благосостоянии своих людей. Если он видит, что его народ грабят или облагают налогами, то должен защищать его. Если ему не удастся этого сделать, то все, что он может, – это обратиться к папе. Тогда портного следует заставить прекратить шить облачения, сапожника – изготавливать обувь епископам. Плотникам не нужно строить дома для духовенства, повару перестать готовить. Самому же князю не удастся выполнять свои обязанности, если он не будет стремиться к Реформации.

СОЖЖЕНИЕ БУЛЛЫ

Летом 1520 года Германия объединилась вокруг Лютера, ставшего выразителем явного и скрытого недовольства против церковной администрации. 15 июня 1520 года папа римский Лев X издал буллу «Про отлучение» (*Exsurge Domine*), в которой осуждались 41 предложение Лютера как еретические. Одновременно верующим предписывалось сжигать книги Лютера везде, где удастся их обнаружить. Самому Лютеру давалось два месяца, чтобы он раскаялся, иначе его отлучат от церкви. Иоганну Экку, написавшему большую часть буллы, поручили опубликовать ее в Германии. Однако в нараставших волнениях сделать это оказалось весьма затруднительно.

Князья, университеты и даже епископы неохотно допускали публикацию буллы в своих районах. Лютер встретил буллу открытым неподчинением. 10 декабря в 9 часов утра перед толпой горожан и членов университета он сжег книги канонического закона, папские декреты и копию буллы на костре на лугу между стеной Виттенберга и рекой Эльбой.

Лютер наблюдал, как папская булла обращается в пепел, затем вместе со своими коллегами вернулся в город. Огромная толпа студентов осталась около костра. Они начали двигаться и торжественно запели *Te Deum*. Затем начали выкрикивать остроты и запели погребальную песню, посвященную декрету.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.